

Селиверстова Наталья Матвеевна

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ ДВОРЯНИНА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX ВЕКА

Статья посвящена изучению трансформации социокультурной роли, которую играло дворянство накануне и в период реформ 60-70-х годов XIX века в русской деревне. Рассматривается неоднозначность влияния европейски ориентированного образования дворянина на его адаптацию к роли хозяина поместья как до, так и после отмены крепостного права. Автор отмечает позитивную роль всесословных земств и пореформенных судов в воспитании политической культуры крестьянства, в том числе за счет взаимодействия в их рамках двух сословий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 171-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бауер В. В.** Заметки по истории Западной Европы в XVI-XVII вв. Литография лекций 1880-1881 гг. СПб., б.г. 687 с.
2. **Бауер В. В.** Новая история. Высшие женские курсы. 1880-81 уч. г. Литография. СПб., 1881. 512 с.
3. **Виппер Р. Ю.** Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894. 686 с.
4. **Герье В. И.** Новая история: лекции. Литография. М., 1886. 510 с.
5. **Грановский Т. Н.** Лекции по истории позднего Средневековья: записи слушателей с авторской правкой. М.: Наука, 1971. 340 с.
6. **Лучицкий И. В.** Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877. 560 с.
7. **Лучицкий И. В.** Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871. Т. 1. 562 с.
8. **Мишле Ж.** Реформа. Из истории Франции в XVI в. / пер. с фр. СПб., 1862. 232 с.
9. **Петров М. Н.** Лекции по всемирной истории. Харьков, 1888. Т. 3. История новых веков. Реформационная эпоха. 216 с.
10. **Цвейг С.** Совесть против насилия. Кастеллио против Кальвина. М.: Мысль, 1986. 238 с.
11. **Bèze T. de.** L'histoire de la vie et mort de feu M. Jean Calvin. Genève, 1657. 204 p.
12. **Bolsec J. H.** Histoire de la vie, moeurs, actes, doctrine et mort de Jean Calvin. Lyon, 1577. 26+143 p.
13. **Caréfigue J. B.** Histoire de la Reformation, de la Ligue et du regne le Henry IV. Paris, 1834-1835. V. 1-8.
14. **Dufour A.** Le mythe de Genève au temps de Calvin // Dufour A. Histoire politique et psychologie historique. Geneve, 1966. P. 63-95.
15. **Guisot F.** Les vies de quatre grands chretiens français. Paris, 1873. V. 1. 398 p.
16. **Henry P. E.** Das Leben Johann Calvin's des großen Reformators. Hamburg, 1835-1844.
17. **Kampschulte F. W.** Johann Calvin, seine Kirche und sein Staat in Genf. Leipzig, 1869-1899.
18. **Léonard E. G.** Histoire générale du protestantisme. Paris, 1988. Vol. 1. 401 p.

**IMAGE OF JOHN CALVIN AS IT IS VIEWED BY RUSSIAN HISTORIANS
OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Savina Anna Viktorovna
Volgograd State University
avsavina@ya.ru

The article aims to represent the image of the European reformer John Calvin (1509-1564) in the Russian historical thought of the second half of the XIX century. In this period general history as a science was forming in Russia, and the theme of Reformation on the whole and Calvinism in particular attracted much attention. The author shows the evolution both in the nature of addressing the subject and in the evaluations of the historians. Such investigations have not been previously conducted in the national science.

Key words and phrases: John Calvin; Reformation; T. N. Granovsky; V.V. Bauer; M. N. Petrov; V. I. Guerrier; I. V. Luchitskiy; R. Y. Wipper.

УДК 94(47).081

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению трансформации социокультурной роли, которую играло дворянство накануне и в период реформ 60-70-х годов XIX века в русской деревне. Рассматривается неоднозначность влияния европейски ориентированного образования дворянина на его адаптацию к роли хозяина поместья как до, так и после отмены крепостного права. Автор отмечает позитивную роль всесословных земств и пореформенных судов в воспитании политической культуры крестьянства, в том числе за счет взаимодействия в их рамках двух сословий.

Ключевые слова и фразы: дворянство; помещики; крестьянство; усадьба; образование; рациональное хозяйство; отмена крепостного права; крестьянская реформа; земства.

Селиверстова Наталья Матвеевна, к.и.н., доцент

Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева
nseliverstova@mail.ru

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ ДВОРЯНИНА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ
НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX ВЕКА[©]**

Для российского дворянина деревня всегда была особым местом. Тесная связь с землей оставалась для многих из них одним из самых заветных преданий, унаследованных от предков, чьи портреты украшали стены родных имений. Как писал известный исследователь русской усадьбы Н. Н. Врангель, «любовь к земле, к саду, к деревьям – ко всей природе – была всегда сильна у русского человека» [1, с. 47]. Долг несения службы казался не настолько обременительным, поскольку всегда существовала возможность, при тех или иных обстоятельствах, уйти в отставку и зажить своим домом в деревне, как это делали их отцы и деды, а при случае, когда размеренная жизнь в имении начинала казаться слишком монотонной, – вновь вернуться

[©] Селиверстова Н. М., 2015

к тревожениям службы. В границах между службой и имением, между городом и деревней традиционно заключалось пространство существования среднего русского дворянина, лишь на недолгое время, да и то не для всех, прерываемое путешествиями за границу. В пореформенный период это положение в той или иной степени продолжало существовать. Тем не менее, появились новые черты, характеризующие образ жизни в русской деревне в первые десятилетия после отмены крепостного права. Значительная часть их была связана с теми результатами реформ 60-70-х годов, которые воплощались во всеобщих земствах, обновленных судах, активизировавшейся в провинции предпринимательской активности. Русская деревня оказалась на переломе в полном соответствии с точным названием известной монографии Н. М. Дружинина [2]. Многие изменилось, при этом перемены коснулись не только внешних сторон жизни общества, но были затронуты и внутренние основы мировоззрения основных социальных слоев, в том числе высшего сословия.

Много было написано о печальных последствиях раскола русского общества на два чуждых друг другу слоя, две культуры – дворянскую и крестьянскую. Невозможно отрицать тот факт, что вследствие воспитания, привычек и образа жизни многие представители высшего сословия в России жили как за границей и зачастую не находили общего языка со своим народом [11, р. 33]. В большей степени, конечно, это было характерно для наиболее знатной и богатой аристократии, составлявшей лишь незначительную часть всего русского дворянства.

Но можно взглянуть на эту характерную черту российской действительности и по-другому. В деревне до крестьянской реформы происходило не только взаимоотторжение, но и взаимопроникновение двух культур – западноевропейской, в той или иной степени представляемой помещиками, и народной, национальной русской культуры. Этот синтез двух различных культур породил, например, феномен помещичьей русской усадьбы.

Неверно представлять русских дворян как проводников исключительно европейской культуры. Именно в деревне, в имении, в котором проходила, по традиции, значительная часть жизни дворянина, он мог чувствовать себя наиболее независимо, располагая всеми возможностями, чтобы обустроить свой быт в соответствии со своими представлениями о комфорте и удобствах. Это была жизнь, близкая к природе, обусловленная сменой времен года, а также неизбежное соприкосновение с миром русского крестьянства, с его традициями и преданиями. Именно усадьба для многих дворян стала персонифицированным образом Родины.

Довольно любопытно, что разграничение окружающей реальности на различные сферы, которые могли быть описаны при помощи либо одного из европейских (чаще французского), либо русского языка, было весьма определенным. Все, что касалось практики ведения хозяйства, взаимоотношения с крестьянами, подсчетов доходов поместья, различных торговых операций, – как правило, излагалось по-русски. Сфера личной жизни, частных отношений – описывалась на французском языке. Мы можем об этом судить, основываясь, в том числе, на анализе переписки того времени. К вопросу выбора языка можно, конечно, прибавить фактор опасения излишнего внимания со стороны посторонних глаз, но не стоит его преувеличивать, поскольку степень распространенности французского языка в русском обществе середины XIX века позволяла вести на нем переписку даже агентам охраны.

Подавляющая часть русского помещного дворянства представляла собой категорию людей с достаточно высоким уровнем образования. При этом конечно не стоит забывать, что значительная масса мелкопоместного дворянства вряд ли могла соответствовать этому критерию. Образ жизни этой социальной группы приближался к крестьянскому, но при этом условия жизни крепостных, принадлежащих мелкопоместным дворянам, были самыми тяжелыми, включая перевод на месячину. К. К. Грот, один из видных просвещенных бюрократов эпохи реформ, во время своей командировки по России в 1847 г. в дневнике описывал свои впечатления от знакомства с мелкопоместными дворянами: «Они называются помещиками и дворянами, но похожи более на лакеев или приказчиков, едва грамотны и вообще жалкие существа... Необразованных или полуобразованных помещиков, не заслуживающих даже названия дворян, живет довольно в деревнях, но этот народ... не в состоянии содействовать к развитию состояния крестьян» [4, приложения с. 22-24]. Тем не менее, даже среди мелкопоместных дворян встречались люди, получившие достойное образование. Как правило, лишённые дохода от недвижимости, они находили себе источник существования в виде заработка на государственной службе, на нижних чинах.

В то время образование, пристойное лицам благородного происхождения, своим неотъемлемым элементом предполагало, прежде всего, знание европейских языков – как минимум, французского, но также английского или немецкого. Знание немецкого языка стало весьма востребовано в 30-40-х годах XIX века, в период всеобщего увлечения классической немецкой философией, поскольку кумиров тогдашних умов читать необходимо было в подлиннике. Владение английским языком давало повод претендовать на некоторую аристократичность и избранность. Но без французского языка невозможно было представить само существование дворянина.

Как известно, язык уже сам по себе несет отпечаток определенного типа мышления, присущего конкретной культуре. Билингвизм, присущий русскому дворянству, обусловил тот факт, что для высшего сословия не была чуждой французская языковая картина мира. Для неё свойственны, в числе основных характеристик, картезианская рациональность, определенность, ясность мышления. Как сказал Антуан де Ривароль, “ce qui n'est pas claire n'est pas français” [12, р. 49] (Если это неясно – значит, это не по-французски). Впрочем, любовь к красивой фразе, интеллектуальной игре, лишённой подчас глубокого смысла, ей также была присуща.

Помимо этого целый ряд культурных ценностей усваивался в процессе обучения дворянского юношества. В то время сложно было представить себе образованного дворянина, в той или иной степени не знакомого с основами идей Просвещения, а также классической немецкой философии. Все эти усвоенные ценности представители российской элиты привносили в свою жизнь. Значительная часть европейских ценностей накладывалась на формируемую систему восприятия действительности. А сама российская действительность за пределами столичных салонов и двора весьма сильно отличалась от ожиданий тех, кто привык

к европейским реалиям. Диссонанс несовпадения мог приводить к разным последствиям в системе мировосприятия различных представителей дворянства. Для тех из них, для кого оставались близкими интересы Отчизны, важным было преодоление этих различий между идеалом и реальностью на пути улучшения условий жизни на родине и приближения к норме, если не к идеалу. В то же время, само представление о норме формировалось под воздействием образа благополучной Европы, почерпнутого из личных путешествий, литературы, вырабатывалось в результате общения в кругу дворянского общества.

Но нередко бывали случаи, когда европейски образованный дворянин, не желая переживать разлад ожиданий и реальности, отвергал ту печальную действительность, которая, как ему казалось, не способна была кардинально измениться в лучшую сторону, и окончательно переезжал за границу. В качестве характерного примера можно упомянуть сына Д. Н. Блудова, видного сановника эпохи правления Николая I, Вадима, о котором писал мемуарист С. Д. Шереметев: «Космополит и меланхолик, не без некоторого озлобления, он не находил возможным жить в России: бездомный и одинокий старый холостяк скитается из города в город, всюду переносит не покидающую его безысходную скуку...» [5, с. 118].

Большое количество было и тех, кто физически проживал в России, но значительное время проводил в Европе, а во время наездов на родину предпочитал узкий круг гостиных высшего света. Фактически такой образ жизни можно было приравнять к своеобразной эмиграции.

Сфера взаимоотношений хозяина поместья и его крестьян вплоть до отмены крепостного права несла на себе печать традиционных, отчасти патриархальных ценностей. В то же время, невозможно отрицать многочисленные язвы крепостничества, развращающее воздействие этой системы как на крестьян, так и на их владельцев. Но не только на силе и принуждении строились взаимоотношения между двумя сословиями русской деревни. Традиции патернализма стали буквой дореформенного закона не вдруг, а отражали существовавший на протяжении длительного периода уклад. Общеизвестно также, что многие помещики по собственной воле и на личные средства организовывали школы для крестьянских детей, открывали у себя в деревнях фельдшерские пункты.

С течением времени изменения затронули и эту сторону жизни, наиболее консервативную, упорно сопротивлявшуюся переменам, что впоследствии нашло свое отражение в многочисленных дворянских проектах отмены крепостного права 1858-1860 годов. «Необходимость освобождения крестьян очевидна: стоит лишь сравнить отношения крестьян к помещикам лет за двадцать перед сим с нынешним, и всякий беспристрастный человек убедится, что патриархальные начала, на которых основываются эти отношения, слабеют с каждым днем», – так писал об этом Д. Н. Шереметев в своей записке об основных принципах освобождения крестьян [6, д. 669, л. 2 – 2 об.].

Уже в дореформенные десятилетия представления о рациональном ведении усадебного хозяйства, заимствованные в Западной Европе, начинают овладевать сознанием все большего числа помещиков. Следует помнить о тесной связи, которая существовала между идеями Просвещения и склонностью к аграрным инновациям, стремлением воплотить на практике известный опыт усовершенствования сельского хозяйства [3, с. 229]. Эта взаимозависимость проявлялась в Европе, но в меньшей степени нашла свое подтверждение и в России. Помимо использования новой сельскохозяйственной техники, современных методов обработки почвы, внедрения новых агрикультур, помещики-рационализаторы внедряли элементы крестьянского сельскохозяйственного образования. С одной стороны, эта деятельность, так же, как создание школ и больниц для крестьян, укладывалась в рамки патриархально-попечительских отношений между помещиками и крестьянами, а с другой стороны, она несла в себе идеи просвещения, рационального хозяйства и природопользования.

Крестьянская реформа коренным образом изменила характер взаимоотношений помещиков и крестьян, основанных на подневольном труде. Те из владельцев имений, кто не был готов к управлению своим хозяйством в пореформенный период, покинули деревню и устремились в столицу, а те, у кого хватило средств, – и за границу. Но даже у тех, кто остался в имении с твердым намерением развивать рациональное хозяйство, не было ясного понимания, как это сделать. Как об этом писал С. Н. Терпигорев, популярным среди помещиков способом заменить крестьянскую барщину стало стремление использовать различные сельскохозяйственные машины [8, с. 50-51]. Не представляя, кто и как в действительности будет работать на этих машинах, ремонтировать их, масса помещиков потеряли на этих неумелых попытках рационализации значительные средства.

Пореформенная реальность вызвала к жизни новую форму местного самоуправления – земства, где уже в новых условиях, как на губернском, так и на уездном уровне был продолжен процесс взаимобмена опытом, идеями, представлениями о способах решения насущных вопросов «земли» между представителями дворянства, прежде всего помещиками и их бывшими крепостными крестьянами.

В силу многих факторов в земствах роль дворянства, особенно в первые пореформенные десятилетия, была ведущей. Как писал в своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин, «земство есть цвет дворянства, поставленный в самые благоприятные условия для правильного обсуждения общественных вопросов... Это – лучшее, что я видел в России» [9, с. 197].

Еще накануне крестьянской реформы, когда составлялись различные проекты будущей реформы местного управления, значительная часть помещиков отстаивали различные варианты новых органов власти, основанных на принципе представительства основных землевладельческих сословий. Идея земств понималась многими представителями высшего сословия как возможность реализовать на местном, а затем, предположительно, и на высшем уровне конституционную идею, как пример исключительно дворянского представительства. В начале 60-х годов XIX века этими настроениями были увлечены многие дворяне, как в столицах, так и в провинции.

В самих вновь созданных земских собраниях дворяне поначалу видели воплощение английских институтов, хоть в несколько модифицированном отечественном варианте. То же самое касалось новых пореформенных

судов, открытых для посещения публики. В земствах и судах произносились речи, их содержание становилось предметом живейшего обсуждения в дворянском обществе. Все это было необычно, и непривычность происходящего состояла, прежде всего, в том, что все это стало реальностью не за границей, а на родине.

В состав земств в качестве неотъемлемого элемента входили гласные от крестьян. Современники событий говорят о том, что особенно поначалу они играли скорее роль молчаливых участников происходящего, тем не менее, имели свое собственное представление обо всех вопросах. «Главное их значение состояло в том, что они были свидетелями того, что делалось в собрании, и клали шары в пользу тех, кому они доверяли» [Там же, с. 199].

Тем не менее, крестьяне постепенно осваивались, воспринимали все то, чему они были свидетелями, и, несомненно, адаптировали опыт, получаемый ими от образованных земцев, прежде всего, дворян. Новые всеобщие институты стали возможны уже потому, что хотя бы часть лиц, их представлявших, имела перед своими глазами опыт ведения дел в Западной Европе. Далеко не все знали о тонкостях парламентаризма в Англии или во Франции, но то, как приблизительно это выглядит, как действует, хотя бы в общих чертах, система европейского судопроизводства, имели представление почти все образованные дворяне. Дворяне-земцы воспроизводили известные им заимствованные образцы поведения, становящиеся знаком европеизации российской действительности.

В то же время крестьяне привносили собственные традиции коллективного обсуждения, идущие от сельских сходов, общинных норм. П. П. Семенов писал о существовании в дореформенной деревне народного суда стариков, т.н. «затяглых» крестьян, получивших по своему возрасту свободу от всяких обязательных работ, умудренных опытом хранителей обычного права и бытовых народных воззрений [7, с. 36]. Можно сказать, что пореформенные местные органы самоуправления олицетворяли собой пространство для взаимообмена народной русской политической культуры и европейской политической культурной традиции, представленной преимущественно дворянством.

Отныне вопросы местного образования и здравоохранения подлежали ведению земств. Но по традиции, шедшей еще с дореформенных лет, большую роль в этой сфере по-прежнему играла инициатива, идущая со стороны поместного дворянства.

Многое в укладе пореформенной деревни несло на себе отпечаток переходных лет, когда на первый план выходили задачи не столько развития, сколько выживания в новых социально-экономических условиях. Помещичье хозяйство, несмотря на выкупные платежи, далеко не сразу смогло приспособиться к вольнонаемному труду и по старинке обходилось отработками. После неудачных опытов первых лет после отмены крепостного права многие владельцы имений отказались от рационального ведения хозяйства. Возрождение интереса к нему произошло после достаточно долгого упадка. В своих письмах «Из деревни» А. Н. Энгельгардт писал: «Есть некоторые, которые занимаются хозяйством или, лучше сказать, разоряются от агрономии, ... то есть, нахватавшись внешних форм так называемого рационального хозяйства из разных книжек, ... вводят разные новости: машины ненужные выписывают, турнепсы и люпины сеют. Разумеется, ничего путного не выходит, а если некоторые из таких агрономов еще держатся, то только благодаря отрезкам, лесам и старому заведению» [10, с. 87-88]. На первый взгляд, это казалось отступлением от более высокой культуры некоторой части дореформенных усадеб. Но ведь до отмены крепостного права любой помещик мог достаточно смело пускаться в хозяйственные эксперименты, поскольку располагал дармовым трудом. Теперь тем, кто сам занимался имением, необходимо было учитывать фактор рентабельности хозяйства. И для многих эти усилия казались немислимыми и бесперспективными.

Постепенно, как свидетельствуют об этом современники событий, ситуация начала меняться. Все большая часть дворянства покидала деревню, продавая свои имения и переезжая в город. В крестьянской среде прежние вековые традиции, основанные на непререкаемом авторитете стариков, постепенно уходили в прошлое. Многочисленные нерешенные проблемы деревни, предоставленной зачастую самой себе, создавали здесь почву для недовольства, чреватого стихийными выступлениями крестьян. Влияние дворянской культуры на жизнь русской деревни становилось все менее ощутимо, так же, как ограничивалось в ней само присутствие владельцев поместий.

Список литературы

1. Врангель Н. Н. Помещичья Россия: очерки истории русской дворянской культуры. СПб.: Коло, 2007. 304 с.
2. Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861-1880. М.: Наука, 1978. 287 с.
3. Козлов С. А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (Центрально-Нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.
4. Константин Карлович Грот как государственный и общественный деятель. Петроград: Тип. М. А. Александрова, 1915. Т. 1. 446+84 с.
5. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М.: Индрик, 2004. Т. 1. 736 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1088. Оп. 1.
7. Семёнов-Тян-Шанский П. П. Эпоха освобождения крестьян в России. 1857-1861 гг. Петроград: Издание семьи, 1915. Т. 3. 444 с.
8. Терпигорев С. Н. Оскудение. Благородные. М. – СПб., 1882. Т. 1. Отцы. 561 с.
9. Чичерин Б. Н. Воспоминания. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2010. Т. 2. 528 с.
10. Энгельгардт А. Н. Из деревни: 12 писем, 1872-1887. М.: Мысль, 1987. 636 с.
11. Grunvald C. de. Société et civilisation russes au XIXe siècle. Paris: Edition du Seuil, 1975. 317 p.
12. Oeuvres complètes de Rivarol: précédées d'une notice sur sa vie. Paris: Chez L. Collin, 1808. V. 2. 394 p.

SOCIOCULTURAL ROLE OF THE NOBLEMAN IN THE SPACE OF THE RUSSIAN VILLAGE BEFORE AND DURING THE PERIOD OF REFORMS OF THE 60-70S OF THE XIX CENTURY

Seliverstova Natal'ya Matveevna, Ph. D. in History, Associate Professor
D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia
nseiverstova@mail.ru

The article is devoted to the study of the transformation of the sociocultural role of the nobility on the eve and during the period of reforms of the 60-70s of the XIX century in the Russian village. The paper considers the ambiguity of the influence of the nobleman's Europe-oriented education on his adaptation to the role of the owner of the estate both before and after the abolition of serfdom. The author highlights the positive role of all-classes zemstvos and post-reform courts in the formation of the political culture of the peasantry, including through the interaction of the two classes in their framework.

Key words and phrases: nobility; landowners; peasantry; manor; education; efficient farm; abolition of serfdom; peasant reform; zemstvos.

УДК 78.082.2

Искусствоведение

В статье определены основные драматургические особенности одночастной фортепианной сонаты и предложена типологизация её разновидностей. В результате анализа одночастных фортепианных сонат Ф. Листа, А. Скрябина, Н. Метнера, Н. Мяковскового, С. Прокофьева, А. Мосолова, Л. Ревуцкого, Б. Лятошинского, В. Косенко были выделены героико-драматический, лирико-психологический, лирико-пасторальный, лирико-драматический, лирико-трагический, экспрессивно-драматический и эпико-драматический подвиды драматургии одночастной фортепианной сонаты.

Ключевые слова и фразы: одночастная фортепианная соната; функциональная теория; драматургические функции; цикличность; сонатное *allegro*; поэмность; программность.

Семыкин Валерий Григорьевич

Донецкая государственная музыкальная академия имени С. С. Прокофьева, Украина
valeriisemikin@mail.ru

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ОДНОЧАСТНОЙ ФОРТЕПИАННОЙ СОНАТЫ[©]

В современной исполнительской деятельности важны не только практические навыки музыканта-интерпретатора, но и наличие у него фундаментальных музыковедческих знаний. В частности, осознание законов и принципов драматургического развития музыкального произведения, что позволяет выстроить его исполнительскую форму и создать интерпретацию, максимально приближенную к авторскому замыслу. Научное осмысление драматургических особенностей становится возможным благодаря осознанию жанровой и стилиевой специфики музыки, принципов мировоззрения композитора и образного содержания конкретных музыкальных произведений. Важная роль, которую выполняют музыканты-интерпретаторы как посредники между композитором и слушателем, актуализирует теоретическую проблему изучения особенностей музыкальной драматургии произведений различных жанров и практического воплощения ее принципов в исполнительской деятельности.

Одним из музыкальных жанров, требующих тщательного изучения специфики драматургического развития, является одночастная фортепианная соната, которая прочно закрепилась в репертуаре современных пианистов. Появившись впервые в творчестве Ф. Листа, одночастная соната нашла свое яркое воплощение в инструментальной музыке русских и украинских композиторов конца XIX – первой трети XX века. Сложность ее драматургического развития стала следствием взаимодействия различных форм и жанров, тяготения к синтезу искусств, стремления к воплощению в музыкальных образах философских идей. Это все привело к существенной трансформации традиционного сонатного *allegro*, его обогащения драматургическими принципами других музыкальных форм.

Несмотря на то, что вопросы драматургических особенностей сонатной формы частично затрагивались в трудах музыковедов (Б. Асафьева [2], Н. Горюхиной [5], Л. Мазеля [10; 11; 12], Е. Назайкинского [14; 15], В. Протопопова [16], М. Тица [18], В. Цуккермана [19; 20; 21], Т. Черновой [22; 23] и др.), проблемы изучения специфики одночастной сонатной драматургии не нашли своего разностороннего воплощения. Чаще всего музыковеды акцентируют свое внимание на принципах поэмности, присущих одночастным сонатным формам и ее жанровым особенностям, лишь косвенно касаясь проблем одночастной драматургии. Так, жанровый канон симфонической поэмы и его преобразования в инструментальной музыке XIX – начала XX в. становятся предметом исследования И. Аппалоновой [1]; большую одночастную форму этого же периода